

Д.А. Карпук

К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ КАФЕДРЫ «ЦЕРКОВНОЕ ЖИВОЕ СЛОВО И ЧТЕНИЕ»

В статье представлена история попытки учредить в начале XX в. в Императорской Санкт-Петербургской духовной академии на деньги частного лица новую академическую кафедру «Церковное живое слово и чтение». Жертвователем стал дворянин А.А. Ефремовский, который считал, что церковная проповедь многих священно- и церковнослужителей в начале XX в. находилась в весьма плачевном состоянии. Академическая корпорация, вполне согласившись с таким мнением, сделала все возможное, чтобы новая кафедра была открыта. Однако Первая мировая война и последовавшие за ней события помешали реализовать этот уникальный в истории дореволюционного высшего богословского образования проект.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская духовная академия, духовное образование, богословская наука, Св. Синод, А.А. Ефремовский, И.Е. Евсеев, И.Г. Троицкий, гомилетика, церковная проповедь, Первая мировая война, В.В. Розанов.

Согласно завещанию дворянина Афанасия Алексеевича Ефремовского в собственность Санкт-Петербургской духовной академии было определено 230 акций Соединённого банка¹. Текст завещания был утвержден определением Орловского окружного суда 17 сентября 1912 г. Однако рассмотрение данного вопроса на заседании академического совета впервые состоялось 8 мая 1913 г. Тогда это дело членам профессорско-преподавательской корпорации представил ректор епископ Ямбургский Георгий (Ярошевский). Согласно воле завещателя

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии (dimand3@yandex.ru).

¹Соединённый банк — один из крупнейших акционерных коммерческих банков в России в начале XX в. Был образован в 1909 г. посредством слияния трёх банков: Московского международного торгового, Южно-Русского промышленного и Орловского коммерческого банков. К 1917 г. банку принадлежало 92 отделения (из них 3 — за границей). Национализирован декретом СНК от 14 (27) декабря 1917 г.

предполагалось, что проценты с пожертвованных акций будут направлены не только на молитвенное поминовение родителей, жены, родственников и имени самого жертвователя, но и на учреждение при академии особой «кафедры или доцентуры экспромта и дикции»².

Текст самого завещания был полностью опубликован на страницах академического журнала «Церковный вестник» в № 21 от 23 мая 1913 г.³ Естественно, что многим читателям, одним из которых являлся и известный религиозный мыслитель и обозреватель «Нового времени» В.В. Розанов, было любопытно узнать более подробную информацию о личности жертвователя: «О, как хотелось бы, чтобы эти дивные, простые и вразумительные слова 80-летнего старца разнеслись по нашей России! Сколько увидят в них надежду на лучшее будущее! Как вообще этот поступок прекрасен: т.е. жертва деньгами, и на такое дело! Кто он по профессии, по должности? Хотелось бы знать; академический орган не потрудился об этом сообщить читателям, вероятно не находя это любопытным. А это очень любопытно»⁴.

На поставленный и, действительно, интересовавший многих вопрос ответил профессор Томского императорского университета протоиерей Иаков Галахов в статье на страницах все того же «Церковного вестника». Отец Иаков сообщал, что Ефремовский приходился ему близким родственником (правда, насколько близким, в статье не уточнялось). Дворянин Афанасий Алексеевич Ефремовский, скончавшийся 3 июля 1912 г., был сыном священника. Поступив в духовную семинарию, опять же, в какую именно, почтенный автор не уточнял, Ефремовский проучился там всего 3 года, после чего перешел в Казённую палату на должность чиновника. Обладая недюжинными способностями и трудолюбием, начал самостоятельно заниматься юридическими науками. После проведения судебной реформы 1864 г. блестяще выдержал экзамен на звание присяжного поверенного. Поселившись в Орле, Ефремовский долгое время служил юрисконсультom юго-западных железных дорог. Потомственное дворянство получил благодаря своему отцу, который за 50 лет служения в священном сане получил орден кн. Владимира 4-й степени. По словам отца Иакова Галахова, Еф-

---

²См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914; Журналы заседаний совета СПбДА за 1912–1913 учебный год. СПб., 1913. С. 222–225; Журналы заседаний совета СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 305–308.

³См.: Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 644–645.

⁴Розанов В.В. О важнейшей нужде церкви (Новое время. 1913. 28 июня. № 13395) // Розанов В.В. Собрание сочинение. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. С. 109.

ремовский был «деятельным человеком, всегда аккуратным, трезвым, воздержанным. Последнее время вел жизнь одинокую, почти затворническую, и слыл за большого оригинала. Умер 86 лет»⁵.

В своем завещании Афанасий Алексеевич подробно объясняет мотивы своего неординарного поступка. На основании собственного жизненного опыта завещатель утверждает, что плохое чтение в храмах не только псаломщиков, но и самих священников — это общеизвестный, к сожалению, и общепринятый факт. «Прожив более 70 лет и бывая в церкви, я редко слышал явственно прочитанную молитву, или акафист. Форма заменила и затопила сущность, везде, все и во всем. Предполагается, что читают для находящихся в церкви, слушающих, но если бы этих слушающих спросить о прочтенном, то не могли бы ответить 9 из 10. Застывшие и омертвевшие формы, останавливающие и замыкающие религиозные душевные движения, не может не видеть, не может не знать академическая профессура, и не может не ожидать, рано или поздно, реформы, может быть нежелательной, но неизбежной. Этот недостаток, конечно, будет устранён, но всем тем, которым церковная служба кажется монотонною, утомительною, желаю, чтобы и теперь они уносили из церкви хотя бы одно зерно благодатной и благоговейной мысли к Отцу Вселенной»⁶. Автор завещания вполне справедливо говорит, что величайшую признательность и благодарность надо выразить тщецу или проповеднику за то, если они удержат внимание пришедшего в храм человека даже на 5–10 минут.

Конечно, встречались в жизни завещателя и достойные примеры церковных проповедников. Одним из них был Киевский митрополит Платон (Городецкий). Афанасий Алексеевич, как он сам об этом пишет, будучи по делам в Киеве, прочел в одной из газет, что митрополит будет совершать богослужение в Софийском соборе. В указанное время он посетил этот храм и богослужение. Молящихся людей было очень много. Во время запричастного стиха вышел очередной священник, чтобы произнести проповедь. По бытовавшей тогда традиции священнослужитель достал тетрадку и прочитал, не отрывая глаз, заранее «безупречно грамматически составленную» проповедь. Однако завещателя удивил не этот факт, а то обстоятельство, что еще прежде прочтения проповеди,

---

⁵Галахов И., прот. Кафедра экспромта и дикции // Церковный вестник. 1913. № 33. Стлб. 1029.

⁶РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 10об.; Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 644.

уже только при самом появлении проповедника, идущего на кафедру, примерно половина из всех присутствующих в храме людей направилась к выходу!

Таким образом, священник не произносит, а читает проповедь по листкам, или, как тогда говорили, по тетрадке, заранее зная, что толком его никто слушать не будет. Однако такова была его обязанность, как члена причта. Сказать же несколько слов от себя, несколько слов, идущих из глубины души, он не мог, точнее не имел права. Текст проповеди составлялся заранее, предоставлялся на утверждение в местную духовную консисторию, поэтому любое отклонение от одобренного текста могло повлечь за собой неприятные для священнослужителя последствия. Народ на этот формализм, вызванный цензурным контролем, голосовал ногами. В этом контексте можно привести слова известного профессора истории России, ученика В.О. Ключевского, Михаила Михайловича Богословского, которые он записал в своем дневнике при посещении одного провинциального деревенского храма: «Застал самый конец обедни и проповедь тамошнего священника. Когда он начал говорить, я *ожидая*, что, как это обычно происходит (выделено — Д.К.), часть народа — а церковь была полна — устремится домой, — но этого, к удивлению, не произошло. Все остались. Говорил он просто, образно, ясно и очень коротко»⁷.

Упомянутый выше В.В. Розанов также приводит примеры образцовой и плохой дикции священнослужителей на основании собственного жизненного опыта: «В одном и том же городе Ельце мне приходилось слышать удивительное по выразительности и «четкости» (слышно в далеких уголках церкви) произношение акафистов о. Острогорским (ныне покойный) и выслушивать целые литургии в таком словопроизношении священника, что совершенно ни одного слова разобрать невозможно было, и обедня проходила как бы в молчании: никто ничего не понимал и не слышал»⁸. И такие или примерно такие же слова о неудовлетворительной дикции священно- и церковнослужителей, о плачевном состоянии церковной проповеди можно было очень часто услышать в начале XX в. Заметки об этом публиковались даже на страницах официальных церковных епархиальных ведомостей.

Возвращаясь к рассказу Ефремовского, отметим, что проповедь священника из Софийского собора он оценил следующим образом: «Явление, в последнее время обычное, рядовое, и понятное: риторика сухая, напыщенная, сверх

---

⁷ *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / Ответственный редактор С.О. Шмидт. М.: Время, 2011. С. 406.

⁸ *Розанов В.В.* О важнейшей нужде церкви... С. 106.

меры, ригоричная, грозная, без милосердия, для 2/3 слушавших непонятная, а для остальных — без всякого влияния на разум и душу»⁹.

И каким же контрастом на этом фоне стали несколько простых, но идущих от сердца слов митрополита Платона! После окончания богослужения тот уже вышел из собора, когда одна из прихожанок обратилась к нему со словами: «Прощай, батюшка, счастливый тебе путь». Высокопреосвященный владыка, обернувшись на женщину, вдруг сказал несколько простых фраз о милосердии Божиим, «о том, что Он дает и жизнь, и здоровье и счастье, что дурные поступки имеют и конец дурной; что от осины нельзя ждать ни яблок, ни винограда»¹⁰. И, что больше всего поразило завещателя, ставшего случайным свидетелем этой беседы, во время всей короткой речи митрополита вокруг царило полное молчание. Все присутствующие с большим вниманием слушали своего архипастыря. Конечно, и сам Афанасий Алексеевич говорит об этом, такое молчание и внимание было обусловлено тем, что говорил митрополит, а не обычный священник. Но сила слов, по глубокому убеждению Ефремовского, заключалась в их простоте: «Разность впечатлений от проповеди священника и нескольких простых слов преосвященного митрополита поразительная». Дальше же последовало любопытное утверждение Ефремовского, достойное пера недоучившегося семинариста: «Недаром в первые века христианства безразлично слушали тех проповедников, которые беседовали при помощи тетрадки. Только простое, устное, живое, одухотворенное слово способно двигать умом и душою слушающего»¹¹.

Именно собственные наблюдения и выводы, а также забота о церковном просвещении и побудили выходца из духовного сословия, преуспевающего провинциального юриста на склоне лет пожертвовать довольно приличную сумму денег на учреждение особой академической дисциплины. Ефремовский в своем завещании определил и цель будущей кафедры. Она сводилась к тому, чтобы будущий священник, особенно деревенский, мог в простой, но убедительной форме доносить до своих слушателей те знания, которые он получил в духовных школах, чтобы «умел сказать умирающему, душа которого в это время особенно восприимчива, утешение; умел, пред венчанием, объяснить таинство брака: обязанности мужа к жене и обратно; умел объяснить те законы, которые установлены Отцом Вселенной, которые мы самонадеянно и неразумно называ-

---

⁹ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 645.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ем естественными, и те, которые, находясь за пределами человеческого разумения, называются сверхъестественными; умел дать, или укрепить ослабленную веру, без которой человек — несчастное существо, приблизившееся к животному; умел приблизить душу к Создателю её; умел сказать, что человек окружен тайною, что он не может и не должен быть уверен в завтрашнем дне, что возможен случай, который внезапно прекратит жизнь и проч.»¹²

Пожертвование же на учреждение академической кафедры для своего времени было очень щедрым. А.А. Ефремовский, как уже отмечалось, завещал академии 230 банковских акций, каждую из которых предполагалось продать не менее чем за 300 рублей. Таким образом, за пожертвованные акции предполагалось выручить около 70000 руб. Проценты с этой суммы предназначались на учреждение новой академической кафедры. Не лишним будет отметить, что доцент академии согласно еще академическому уставу 1869 г. в начале XX века получал 1200 руб. в год, экстраординарный профессор — 2000 руб., а ординарный, т.е. со степенью доктора наук (богословия, церковной истории или канонического права) — 3000 руб. Таким образом, экстраординарный профессор смог бы накопить означенную сумму жертвователя только за 35 лет непрерывной службы, ординарный — практически за 25 лет. И это только в том случае, если они в течение всего этого времени не будут расходовать ни копейки из зарплаты!

В течение всего синодального периода учебный процесс в духовных школах находился под строгим контролем Св. Синода. В уставе четко прописывалось, какие именно предметы должны были преподаваться и сколько часов в неделю. Учреждение новой кафедры означало выделение отдельных часов на изучение предмета и также утверждение профессора новой дисциплины, что также являлось прерогативой Синода. Вполне очевидно, что для открытия новой кафедры совету Санкт-Петербургской духовной академии необходимо было решить целый ряд важных юридических и технических вопросов.

Именно поэтому ректор академии епископ Георгий 8 мая 1913 г. сообщил о пожертвовании Совету и поставил на повестку дня два вопроса. Во-первых, необходимо было разделить пожертвованную сумму между академическим храмом, где должно было совершаться поминовение имени усопшего и его родных, и собственно академией (на учреждение и обеспечение новой кафедры). Во-вторых, необходимо было обсудить вопрос о том, как лучше распорядить-

---

¹²Там же.

ся пожертвованной суммой для открытия и должного функционирования новой кафедры¹³.

После предшествовавших обсуждений члены Совета академии приняли решение для предварительного обсуждения вопроса о соответствующем использовании капитала, пожертвованного А.А. Ефремовским, избрать комиссию под председательством ректора. В состав комиссии были включены также инспектор академии проф. С.М. Зарин, проф. И.Е. Евсеев, проф. Г.В. Прохоров и исполняющий должность доцента Н.А. Коновалов.

Судя по всему, по благословению ректора реальное составление всех необходимых документов было поручено профессору Ивану Евсеевичу Евсееву. Дело в том, что следующее заседание указанной выше комиссии состоялось только 25 апреля 1914 г. Одним из главных предметов ее обсуждения стал именно доклад профессора Евсеева. Основные тезисы сообщения Ивана Евсеевича сводились к следующему.

Во-первых, И.Е. Евсеев искренне благодарил завещателя за такой щедрый дар на благо академии и всей Русской Православной Церкви через будущих выпускников высшей богословской школы. Евсеев утверждает, что отныне имя Афанасия Алексеевича Ефремовского станет незабвенным в летописях академической жизни. Вне всякого сомнения, члены комиссии, впрочем как и все члены корпорации, читая этот доклад, соглашались с этим утверждением. Кто бы мог подумать, что через какие-нибудь четыре года все изменится, а еще лет через десять никто уже и не вспомнит имя Ефремовского!

Во-вторых, и это особенно интересно, автор записки, как профессор гомилетики в прошлом, дал оценку существовавшей издавна академической дисциплине и сравнил ее цели и задачи с целями и предметом планируемой кафедры. Главное отличие кафедры гомилетики от вновь проектируемой сводилось к тому, что прежняя академическая дисциплина по своему содержанию являлась теоретической. Новая же кафедра выдвигала на первый план прикладную, практическую сторону. «Гомилетика, в постановке её по последнему, ныне действующему академическому уставу (имеется в виду устав 1910–1911 гг. — Д.К.), связана в академическом преподавании с пастырским богословием и аскетикой, то есть поставлена на путь исключительно интуитивного, а не изыскательно-го способа нравственного убеждения. Высокая степень духовного нравственного переживания должна властно и принудительно действовать на другую волю, одинаково с первою пребывающую в одной и той же атмосфере сыновнего пре-

---

¹³РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 1об.

клонения пред священным авторитетом церковного предания. Вот, по нашему мнению, смысл постановки науки о проповедничестве в нынешнем академическом уставе»¹⁴. Евсеев со знанием дела утверждает, что такая постановка науки о проповедничестве весьма значительно сужает область возможного применения проповеди. Подобного рода проповеди действительны только в отношении тех, кто уже находится в церковной ограде, для остальных же такая проповедь будет малоэффективной. Проповедь необходимо приспосабливать к уровню понимания, складу мышления и языку той весьма обширной категории лиц, жаждущих живого слова. В этом смысле, по мнению Евсеева, вновь учреждаемая кафедра должна была коренным образом изменить ситуацию.

В-третьих, профессор рассуждает о ситуации, сложившейся в области ораторского искусства в светской среде. Евсеев отмечает, что за последнее десятилетие в этой области произошли кардинальные изменения. Возникли целые направления и течения, в рамках которых развились новые методы обсуждения судебных, гражданских и государственных вопросов, новые способы изложения и преподавания научных и бытовых представлений. В начале XX века появляются и интенсивно разрабатываются новые теории речи на суде, на сцене, более чем развиваются приемы и способы парламентской речи, лекторского или преподавательского искусства: «Современная психология раскрывает, например, совершенно новые горизонты для проповеднических соображений в своих изысканиях о свойствах и особенностях народной психологии, о способах воздействия на народные массы. Исследования о языке и связанном с ним творчестве уясняют неведомые ранее законы и особенности строения языка в применении его к чистой и литературной речи»¹⁵. Новая академическая кафедра должна была заняться изучением и принятием на вооружение всех этих новых методов и научных приемов.

В-четвертых, Евсеев делает неутешительный вывод о современном плачевном состоянии церковной проповеди. Особенно бедственным это состояние выглядит на фоне активного развития светского ораторского искусства. «Все это движение в область наилучшего использования живой речи, развившееся на окраинах или, вернее, за пределами нашей духовной литературы и школы, не воспринято, не претворено нашею призванною к сему духовною наукою — в целях служения вечному Слову — и, естественно, не может не производить впечатления отсталости и связанной с этим малой убедительности и привле-

---

¹⁴Там же. Л. 12.

¹⁵Там же. Л. 12–12об.

кательности нашей духовной проповеднической речи, вообще нашего, нужно признать, довольно тяжеловесного, подёрнутого в обилии школьной дымкой, богословского языка»¹⁶. Далее И.Е. Евсеев во вполне традиционном для церковных публицистов начала прошлого столетия ключе говорит, что изложение вопросов не только гражданских, общественных и государственных, но даже и духовно-нравственных и религиозных в светской литературе и светской устной речи — по своей живости, новизне построения и широте горизонтов — стоит на гораздо более высоком уровне. Именно потому, вследствие своей несомненной заманчивости и привлекательности, оно представляет серьезную опасность для «обычного, недостаточно гибкого и приспособленного слова с церковной кафедры»¹⁷.

В-пятых, — и это итог рассуждений Евсеева — церковному проповедничеству начала XX в. необходимо выработать новый стиль духовной речи. Взять эту творческую задачу должна была на себя именно новая проектируемая академическая кафедра.

Таким образом, профессорско-преподавательская корпорация столичной духовной академии в лице профессора И.Е. Евсеева не только согласилась с диагнозом, который был поставлен церковному проповедничеству начала столетия рядовым членом Церкви А.А. Ефремовским, но в своём анализе шла еще дальше, рисуя картину более яркими красками.

В докладе Евсеева были затронуты и другие вопросы. В частности, был рассмотрен еще вопрос о наименовании новой кафедры. Докладчиком был предложен следующий вариант: «Живое слово»¹⁸. В отношении возможного кандидата для замещения новопроектируемой кафедры Иван Евсеевич предположил, что им «должно быть лицо богословского образования, с природным даром слова, с обязательством для него до вступления на кафедру заняться специальной подготовкой в России и главным образом за границей, в Париже»¹⁹.

Финансовая сторона вопроса стала главным камнем преткновения. Согласно волеизъявлению жертвователя предполагалось, что 230 акций будут проданы не меньше чем за 300 рублей каждая, что позволит выручить порядка 70000 рублей. При правильном вложении в банк процентов с указанной суммы должно было быть достаточно на оплату научно-учебной деятельности профессо-

---

¹⁶Там же. Л. 12об.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. Л. 1об.

¹⁹Там же. Л. 12об.

ра. Кроме того, предполагалось, что 2000 рублей будут направлены на академический храм для поминовения имени жертвователя и его родных и близких. Пожертвованная на поминовение сумма должна была использоваться на благоустройство академической церкви. Что касается поминовения, то эта просьба завещателя звучит следующим образом: «Затем почтительнейше прошу: служить в академии заупокойные литургии о душах: отца, иерея Алексея, матери Ольги и жены Марии, братьях: Иоанне, Алексее, Петре и Николае, сестрах: Татиане, Марии, Екатерине и Александре: 14 января, 27 февраля, 11 июля, 22 июля, 5 августа и 21 ноября. А я, ежели удостоюсь милосердия молитвы, в загробной жизни, буду молиться об учащих и учащихся»²⁰.

Весной 1914 г. сумма с продажи пожертвованных акций могла составить 66000 руб.²¹ Этого было не вполне достаточно для должного обеспечения вновь учреждаемой кафедры. Тем более, что предполагалось некоторые суммы выделять на поощрения студентам, проявившим выдающиеся успехи в проповедническом служении.

Для выхода из сложившейся ситуации И.Е. Евсеев предложил использовать проценты с другого пожертвования, которое было осуществлено академией еще в 1909 г. Имеется в виду премия бывшего воспитанника академии титулярного советника Ивана Алексеевича Покровского, который пожертвовал академии на учреждение премии своего имени 9000 рублей. Проценты с означенной суммы планировалось использовать на оплату преподавателя декламации, приглашенного, с согласия академического совета, ректором академии. Он должен был читать студентам, которые добровольно того пожелают, лекции по ораторскому искусству. Также предполагалось, что лектор будет проводить по своему предмету практические занятия. Все лекции должны были проходить в летнее или какое-либо каникулярное время и в часы, свободные от учебных занятий. Кроме того, часть процентов с указанного капитала должна была направляться на денежные премии студентам академии, проявившим особое усердие и успехи в церковной проповеди. Предполагалось, что они будут произносить наизусть («без тетрадки») краткие проповеди или поучения, направленные против лени и праздности, против пьянства и невоздержанной жизни. Любопытно, что, согласно воле завещателя, проповеди эти не обязательно должны были быть самостоятельно составленными²².

---

²⁰Там же. Л. 11–11об.

²¹Журналы заседаний совета СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 306.

²²РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 4.

Судя по всему, капитал с премии И.А. Покровского вплоть до 1914 г. не использовался или использовался, но незначительно, т.к. к рассматриваемому моменту капитал премии составлял уже 11693 руб. 22 к.²³ Учитывая близость целей пожертвований А.А. Ефремовского и И.А. Покровского, Евсеев предложил объединить имеющиеся суммы для скорейшего открытия новой академической кафедры.

Рассмотрение доклада Евсеева и решений комиссии состоялось на заседании академического Совета 12 мая 1914 г. Существенных возражений со стороны других членов корпорации предложения комиссии не вызвали. Тем не менее, было принято решение отложить окончательное суждение по данному вопросу до начала нового учебного года. Доклад Евсеева, а также текст завещания были опубликованы в виде небольшой брошюрки, каждый экземпляр которой был роздан всем членам совета для более внимательного и тщательного изучения. Во время очередного рассмотрения вопроса об учреждении кафедры предполагалось, что члены корпорации выскажут свои мнения по следующим наиболее важным вопросам: 1) название кафедры; 2) предмет и задачи новой кафедры и 3) способ замещения кафедры²⁴.

Безусловно, щедрый дар завещателя вызвал обсуждение темы в церковной среде. Один из членов корпорации Виктор Адрианович Беляев в 1914 г. в «Церковном вестнике» поместил статью с говорящим заголовком: «Почему безмолвен русский священник?». Предваряя свои рассуждения на эту тему, молодой учёный отмечал: «Церковная проповедь, по общему сознанию, без сомнения, составляет одну из самых слабых сторон церковной жизни. На эту тему сказано и написано очень много речей, часто негодующих, исполненных стыда и скорби. Особенно достается бедным сельским священникам. Их принято упрекать в ленности, бесталанности, стыдить примером протестантских пасторов, которые все прекрасные проповедники»²⁵. Далее автор говорит о своеобразии церковной архитектуры, о красоте православного искусства, которые проповедают истину Православия самим своим наличием. Таким образом, по мнению автора статьи, церковное искусство иногда может сказать гораздо больше, чем многочисленные слова проповедников. Сложно сказать, была ли эта статья ответом на дис-

---

²³ Журналы заседаний совета СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 306.

²⁴ Там же. С. 308.

²⁵ Беляев В. Почему безмолвен русский священник? (К психологии Православия) // Церковный вестник. 1914. № 6. Стлб. 164.

куссии, развернувшиеся в кулуарах академического совета, или же совершенно случайно затронула острую и болезненную тему.

Если со статьей Беляева не совсем всё ясно, то приводимые ниже слова профессора протоиерея Иакова Галахова совершенно точно относятся непосредственно к проектируемой кафедре. Отмечая важность новой дисциплины, отец Иаков, тем не менее, вполне справедливо заявлял, что он не разделяет всех радужных ожиданий от учреждения кафедры, которая должна была стать едва ли не главной и единственной панацеей от проблем в области церковной проповеди: «От проповедника веры и нравственности требуется не одно умение говорить экспромтом. Необходимо, чтобы речь, им произносимая, шла от сердца и говорила сердцу. Католические и протестантские проповедники говорят за каждой службой по полу-часу, часу и даже более. Они говорить умеют, прошли для этого необходимую школу. Но и у них речи и проповеди, захватывающие внимание, очень редкое явление. Умение говорить не обеспечивает влияния и должного воздействия. <...> Да, — для церкви необходимо что-то больше простой декламации, а проповедь церковная не должна заключаться в простой говорильне»²⁶. Излив, наверное, необходимую порцию критики, отец Иаков, вместе с тем, заканчивает свою публикацию одобрением запланированного проекта, и говорит о большой важности дара Ефремовского и том, что голос этого дворянина является голосом, идущим от интеллигенции, «жаждущей живого слова от служителей Слова»²⁷.

Очередное обсуждение вопроса о новой академической кафедре состоялось уже в новом учебном году на заседании совета 29 сентября 1914 г. под председательством ректора академии епископа Анастасия (Александрова). Существенных возражений против положений, выработанных комиссией еще весной 1914 г., не прозвучало, если не считать выступления профессора И.Г. Троицкого. Почтенный учёный обратил внимание своих коллег на необходимость максимально буквального прочтения текста завещания. Согласно воле А.А. Ефремовского, необходимо было учредить кафедру, которая бы служила улучшению церковного чтения и церковного учительства со стороны внешних технических условий. Поэтому, по мнению Троицкого, «при начертании объема тех сведений, которые должны составлять содержание проектируемой дисциплины, следует включить сюда все то, что необходимо знать для постановки церковного чтения и церковной проповеди со стороны их внешней техники. В частности,

---

²⁶Галахов И., прот. Кафедра экспромта и дикции // Церковный вестник. 1913. № 33.

²⁷Там же. Стлб. 1030.

сюда следует включить правила относительно правильного, ясного, отчетливого и логически осмысленного чтения в храме, в частности — т.н. псалмодического чтения, и правила церковной декламации, — с практическими упражнениями как в чтении, так и в произношении. В виду выраженного в завещании желания относительно упражнения в импровизации, следовало бы, при ведении практических упражнений в произношении, приучить к составлению речей на темы импровизированные и экспромтом (без тетрадки). С таким научным содержанием проектируемая дисциплина могла бы быть названа: «Церковное чтение и произношение»²⁸. В отношении всех других предложений, представленных комиссией, Троицкий изъявлял полное согласие.

Итак, вопрос, поставленный профессором И.Г. Троицким, касался не только и не столько целей и предмета новой кафедры, сколько ее наименования. После состоявшейся дискуссии между членами академического совета большинством голосов было принято решение новую кафедру назвать следующим образом: «Церковное живое слово и чтение»²⁹.

По итогам своего осеннего заседания Совет академии обратился на имя митрополита Санкт-Петербургского Владимира (Богоявленского) с просьбой ходатайствовать об учреждении новой кафедры перед Св. Синодом. Действительно, в канцелярии столичного митрополита было составлено соответствующее представление от 28 октября 1914 г.³⁰ Рассмотрение вопроса Св. Синодом состоялось 5 ноября того же 1914 г. Правда, нужно отметить, что к осени 1914 г. цена за пожертвованные акции серьезно упала. Так, на проекте митрополичьего представления в Синод карандашом на полях, видимо, одним из чиновников составителей документа, написано, что «в настоящее время приблизительная цена акции от 170 до 180 руб.»³¹ Понятно, что в таком случае итоговой суммы было совсем недостаточно, даже с привлечением премии Покровского.

Решение высшей церковной власти было неприятным для академической корпорации, но вполне ожидаемым и понятным в свете тех событий, которые переживало все российское государство. Принимая во внимание, что выгодная реализация в ближайшее время пожертвованных акций, особенно по указанной в завещании цене в 300 рублей за акцию, являлась, в виду военных обстоятельств, невозможной, Св. Синод определил: «Окончательное суждение об учреждении

---

²⁸РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 2–2об.

²⁹Там же. Л. 2об.

³⁰Там же. Л. 1–3об.

³¹Там же. Л. 1.

в Императорской Петроградской духовной академии кафедры «Церковное живое слово и чтение» отложить до того времени, когда помянутые акции будут обращены в государственные процентные бумаги»³².

Решение Св. Синода было вполне оправдано текущими событиями в Церкви и в государстве. Хотя тот же Розанов, еще когда процесс открытия новой кафедры только был запущен, говорил, что такие же кафедры необходимо открыть во всех четырех духовных академиях и за счет синодальных сумм: «Можно бы учредить хоть в Московской духовной академии еще *такую же* кафедру; ибо капитал дает в процентах сумму, достаточную доцентур; уж небольшое недостающее Св. Синод мог бы добавить из своих специальных сумм. Да, Синоду вообще следовало бы озаботиться учреждением *таких именно кафедр*, экспромта и дикции, во всех 4-х академиях!! Это с *его собственной точки зрения*, — что задача духовного образования главнее всего состоит в приготовлении пастырей церкви, священно- и церковнослужителей, — совершенно необходимая и даже неизбежная последовательность. Ефремовский своей частной инициативой только *подсказал* то, что духовное ведомство давно должно было *само* сказать себе...»³³.

Как бы то ни было, итог этой чрезвычайно интересной и важной попытки учредить кафедру «Церковного живого слова и чтения» в Санкт-Петербургской духовной академии известен — кафедру учредить не успели, имена жертвователя и его родных в академической церкви были забыты.

Что же касается состояния православной гомилетики в последующие годы XX столетия, то здесь вполне уместно привести слова А. Краснова-Левитина: «Питер 20-х годов. Только недавно закрылись Петроградская духовная академия и семинария, закрылись все духовные журналы, издательства, богословские и философские общества. И все профессора, магистры, кандидаты богословия, церковные писатели — все хлынули на приходы. Стали невозможны диссертации, богословские статьи, монографии, единственное, что осталось — церковная кафедра. Она была в то время еще относительно свободной: проповедь не запрещалась, если в ней не было непосредственных политических призывов. Церковная смута способствовала оживлению церковной проповеди»³⁴. Впрочем, это оживление церковного красноречия, этот внезапный ренессанс

---

³² Там же. Л. 15об.

³³ Розанов В.В. О важнейшей нужде церкви... С. 109.

³⁴ Левитин-Краснов А.Э. Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1977. С. 73–74.

православной гомилетики был обречен на кратковременность. Дальнейшее свидетельство о православной вере осуществлялось уже не словами, а делами и мученической кровью.

Источники и литература

1. *Беляев В.* Почему безмолвен русский священник? (К психологии Православия) // Церковный вестник. 1914. № 6. Стлб. 164–166.
2. *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / Ответственный редактор С.О. Шмидт; вступ. статья С.О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М.: Время, 2011. 800 с., ил. — («Диалог»).
3. *Галахов И., прот.* Кафедра экспромта и дикции // Церковный вестник. 1913. № 33. Стлб. 1029–1030.
4. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 644–645.
5. Журналы заседаний Совета Императорской Петроградской духовной академии за 1913–1914 учебный год. Петроград: Типография М. Меркушева, 1916. 619 с.
6. Журналы заседаний Совета Императорской Санкт-Петербургской духовной академии за 1912–1913 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913.
7. *Левитин-Краснов А.Э.* Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1977. 460 с.
8. РГИА. Ф.796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Об учреждении в Императорской духовной академии новой кафедры.
9. *Розанов В.В.* Собрание сочинение. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. 638 с.